

А.В. ГАНИН,

г. Москва, Российская Федерация

АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ВОЕННОГО УЧЕНОГО А.А. СВЕЧИНА. 1931–1932 гг.

Ganin A.V.,

Moscow, Russian Federation

An archival investigation case of military researcher A.A. Svechin in 1931–1932

Аннотация

В 1930–1931 гг. в СССР развернулось дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», направленное против бывших офицеров в РККА. Несмотря на ряд публикаций, это дело остается практически неизученным. Материалы дела хранятся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины. Ярких личностей, арестованных в рамках «Весны», было немало. Протоколы их допросов содержат ценнейшие материалы по военно-политической истории нашей страны. В статье впервые вводится в научный оборот архивно-следственное дело выдающегося отечественного военного ученого и теоретика А.А. Свечина, арестованного по делу «Весна» в 1931–1932 гг. Впервые полностью публикуются все показания Свечина, касающиеся событий Гражданской войны в России, истории русской армии, жизни бывших офицеров в Советской России и СССР, взаимоотношений в кругу генштабистов. Проанализирована логика следствия и тактика подследственного, сделаны выводы об особенностях политических репрессий того времени на примере дела А.А. Свечина. Публикация материалов дела Свечина дает возможность заполнить лакуны в биографии выдающегося отечественного военного деятеля, его показания содержат интересные данные о взаимоотношениях в кругу бывших офицеров, оставшихся в СССР. Следственное дело Свечина вполне типично и напоминает аналогичные дела других бывших офицеров, арестованных по делу «Весна». Открывают дело достаточно объективные показания, касающиеся эпохи революции и Гражданской войны, 1920-х гг., взаимоотношений «бывших». Затем следуют признательные саморазоблачительные показания, где подследственный кается в принадлежности к организованному контрреволюционному подполью. Далее дело содержит показания на товарищей по службе, которые обвиняются в тех же проступках. Документальных подтверждений контрреволюционных проявлений в деле не содержится. Материалы дела «Весна» свидетельствуют об одном из этапов процесса «закручивания гаек» советским руководством, взявшем курс на создание крупной индустриальной державы и искоренение малейших проявлений инакомыслия.

Annotation

In 1930–1931 in the USSR turned the case of the all-Union military officer counterrevolutionary organization “The Spring” directed against former officers in the Red army. Despite a number of publications, this case remains practically unexplored. The materials are stored in Departmental archives of the security service of Ukraine. There were many bright individuals arrested as part of the “The Spring”. Protocols of their interrogations contain valuable materials on military-political history of our country. An article on the basis of the archival data is introduces for the first time into scientific circulation the investigation materials of the outstanding Russian military scientist and theorist, A.A. Svechin, arrested on the case of “The Spring” in 1931–1932. All the evidences by Svechin are fully published for the first time. They cover the events of the Russian Civil war, history of Russian army, the life of the so called “former” officers in the Soviet Russia and the USSR, the relations in the circle of former General Staff officers. The logic of the investigation and tactics of the detainee is analyzed and the conclusions on the peculiarities of political repressions of that period from the Svechin case are made. Publication of the materials of Svechin case gives an opportunity to fill a gap in the biography of an outstanding Russian military leader, his testimony contains interesting data about the relationship in the circle of former officers remaining in the USSR. The investigation materials are quite typical and similar in the other cases of former officers. The file is opened by an objective evidence relating to the epoch of the revolution and the Civil war and the 1920s and to the relationship of the «former». Then they are followed by self-incriminating testimonies, where Svechin repents of belonging to an organized counter-revolutionary underground. Further, it contains testimonies on his comrades, who were accused of the same offences. But there is no documentary evidence of counter-revolutionary manifestations. The materials of the case “The Spring” testify to one of the stages of “crackdown” by the Soviet leadership, committed to the establishment of large industrial power and eliminating any manifestations of dissent.

Ключевые слова

Источники, А.А. Свечин, дело «Весна», политические репрессии, генштабисты, РККА.

Keywords

Sources, A.A. Svechin, “The Spring” case, political repressions, General Staff officers, Workers and Peasants Red army.

К концу Гражданской войны в Советской России и в Красной Армии оставались десятки тысяч военных специалистов – бывших офицеров. Обеспечив своими знаниями и опытом победу большевикам во внутреннем противостоянии с белыми и национальными армиями, эти люди сделали свое дело. Когда отгре-

А.А. Свечин в старой армии.
A.A. Svecin in the old army

мели выстрелы, они оказались не только не нужны властям, но и воспринимались как потенциальная угроза безопасности Советской России, а затем и СССР. Положение этой группы лиц усугубилось с приходом к власти такого яркого противника политики привлечения бывших офицеров на службу в РККА каким был И.В. Сталин. Произошло это не сразу, но именно бывшие офицеры стали одной из первых жертв массовых репрессивных кампаний, которые проводились в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

В 1930–1931 гг. в СССР вернулось печально известное дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», направленное против бывших офицеров в РККА. Несмотря на ряд публикаций, это дело все еще остается практически неизученным. Одним из путей ликвидации этого «белого пятна» нашей истории является введение в научный оборот материалов следственных дел по этому процессу, хранящихся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины. Тем более, что ярких личностей, арестованных в рамках «Весны», было немало. Протоколы их допросов содержат ценнейшие материалы по военно-политической истории нашей страны.

Одним из наиболее крупных фигурантов дела был выдающийся отечественный военный мыслитель Александр Андреевич Свечин (17.08.1878 – 29.07.1938), пользовавшийся безусловным авторитетом в кругу военных специалистов. Различные аспекты биографии Свечина уже детально изучены. Жизни и деятельности Свечина, в отличие от многих его коллег по службе, посвящены целые монографии, диссертации и сборники¹. Обширное наследие оставил и

он сам. Однако материалы следственного дела Свечина до сих пор (за исключением нескольких цитат, опубликованных Я.Ю. Тинченко и А.Г. Кавтарадзе²) в научный оборот введены не были. По этой причине о том, что происходило со Свечиным на следствии, историки имели возможность судить по обрывочным данным, не отличающимся большой точностью.

Так, О.Ф. Сувениров отмечал, что Свечин и другие на допросах «не посрамили чести русского офицера»³. Имелось в виду, что они не дали компрометирующих показаний на своих сослуживцев. Однако знакомство со следственными материалами опровергает это утверждение (впрочем, данные под давлением или сфабрикованные следователями показания не могут служить критерием оценки чести арестованного, а позволяют оценивать лишь «эффективность» выбивания необходимых показаний следствием). Документы архивно-следственного дела Свечина являются значимым источником как по истории репрессий начала 1930-х гг. и по биографии Свечина, так и по истории РККА. Вниманию читателей предлагается первая полная их публикация (документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок, в квадратных скобках приведены текстовые вставки и дополнения из других редакций).

Известно, что агентурное наблюдение за Свечиным велось уже в начале 1920-х гг. В частности, фиксировались его контакты с генштабистом Д.К. Лебедевым⁴, которому позднее будет уделено немало внимания в показаниях Свечина по делу «Весна». В качестве неблагоданного Свечин был взят на оперативный учет в рамках агентурно-наблюдательного дела «Генштабисты»⁵. Под контролем чекистов находился и круг общения старых военспецов. В круг общения Свечина входили генштабисты А.С. Белой, Н.Я. Капустин, А.Н. де Лазари, А.Е. Снесарев, В.Н. Соколов, В.Г. Сухов и другие.

Перед арестом Свечин работал преподавателем Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, с января 1931 г. числился в научно-исследовательском бюро академии. Его положение в армии было неустойчивым вследствие острого противостояния с командующим войсками Ленинградского военного округа М.Н. Тухачевским, организовавшим настоящую травлю ученого⁶.

В ночь на 21 февраля 1931 г. Свечина арестовали. Уже 22 февраля он был исключен из списков академии как находящийся под стражей, а затем и вовсе уволен со службы в РККА. Следственное дело Свечина насчитывает 95 листов, включая его собственноручные показания, их машинописный вариант, а также многочисленные сопроводительные документы.

Дело открывает ордер ОГПУ № 9474 от 21 февраля 1931 г. на производство ареста и обыска у Свечина по адресу Москва, Дегтярный переулочек, д. 4, кв. 7, выданный сотруднику оперативно-го отдела ОГПУ Мукке и подписанный заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой и начальником оперативного отдела Ершовым⁷. При обыске у Свечина, произведенном комиссаром оперативного отдела Кулешевым в присутствии понятых, были изъяты: револьвер «Наган» с 14 патронами и кобурой, две пары золотых часов на цепочке, два знака ордена Св. Георгия в футляре с золотой монограммой, Георгиевское оружие с надписью «За храбрость», а также чемодан с письмами и документы⁸. Позднее Све-

Обложка дела.
Cover of the file

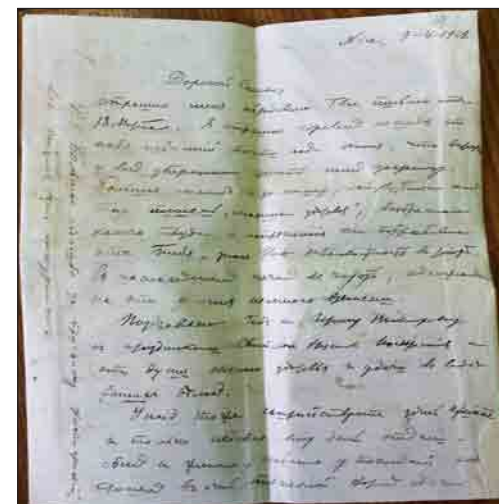
Ордер на арест. Публикуется впервые.
Arrest warrant. Published for the first time

чин упоминал среди изъятого еще один чемодан с документами и золотую цепочку от часов⁹. Изъятые ценности были приняты комендатурой административно-организационного управления ОГПУ¹⁰. Чемодан с книгами и письмами был опечатан и оставлен на хранение супруге арестованного под расписку о сдаче его по требованию ОГПУ¹¹. Среди изъятого оказалась чековая книжка Свечина, ссудное свидетельство и 218 руб., которые были переданы ячейке Осоавиахима Военной академии РККА¹². В деле сохранились изъятые у Свечина материалы – 13 открыток с изображениями представителей семьи императора Николая II и письмо брата М.А. Свечина из Франции от 9 апреля 1928 г.¹³

Изъятые материалы.
Публикуется впервые.
Excluded materials.
Published for the first time

Письмо брата М.А. Свечина.
The letter of A.A.Svechin's brother Mikhail

А.А. Свечин.
A.A. Svecchin

В день ареста Свечин заполнил «Анкету для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ». В анкете он отметил, что родился в Одессе в семье офицера Генерального штаба, живет в Москве, русский, гражданин СССР, состоял на действительной военной службе, окончил старую военную академию, внепартийный, профессор Военной академии РККА, дворянин, «жил на жалованье и литературной работой, недвижимости не имел»¹⁴.

Уже на следующий день о Свечине были наведены справки в центральной регистрауре ОГПУ, причем выяснилось, что он проходил по делу «Национального центра»

1919 г. (Т. 30)¹⁵. В тот же день состоялся и первый допрос оперуполномоченным А. Гириным. На допросе Свечин откровенно показал: «После Февральской революции 1917 года, я, состоя в должности начальника штаба V армии, вел самую энергичную борьбу с большевиками. Как характеристика моих тогдашних настроений может служить дважды приглашение меня генералом [Л.Г.] Корниловым на роль своего нач[альника] штаба VIII армии и на должность 2го генерал-квартирмейстера, когда он был назначен на должность Главковерха. По случайным причинам я отказался оба раза. Выступление большевиков 4 июля [19]17 года в Ленинграде было парализовано, главным образом, вследствие известий о движении 2 1/2 подготовленных мною дивизий из Двинска на Ленинград. Я был отчислен 3 октября 1917 года от должности наштарма V за слишком правое направление, которое получала V армия. Октябрьскую революцию я встретил враждебно. После того, как генерал [В.А.] Черемисов объявил о своем нейтралитете, я отправился в г. Псков с целью ареста Черемисова и занятия его поста командующего фронта. После неудачного переговора¹⁶ с меньшевиками,

которые предложили отсрочить мое предприятие, я отказался от активных выступлений и в качестве частного лица проживал в Ленинграде.

Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги Советской власти. Вскоре я получил назначение глав[ным] воен[ным] руководителем Смоленской районной завесы. В этой роли я отдался целиком делу, питаемый своими националистическими настроениями и готовясь к продолжению войны с Германией. С самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне как к бывшему генералу, отчего возникало известное расхолаживание в сознании бесплодности моих усилий.

Я по-прежнему считал экономическую программу, выдвинутую Октябрем, практически неосуществимой и полагал, что естественная эволюция приведет к коренному ее изменению, причем всякие насильственные акты могут задержать и помешать этому процессу.

С этими настроениями я приехал в том же 1918 году, в августе месяце, в г. Москву и получил назначение на должность начальника Всероглавштаба, на место уволенного по контрреволюционности б[ывшего] генерал-лейтенанта Стогова. Для выявления политического настроения оставшихся во Всероглавштабе б[ывших] офицеров я, с ведома комиссара [И.Л.] Дзевалтовского (тоже б[ывшего] гвардейского офицера, позднее бежавшего в Польшу) организовал собрание, на котором присутствовали: П.П. Лебедев, [А.М.] Мочульский (позднее расстрелян), и все другие находившиеся во Всероглавштабе офицеры. Твердое выступление П.П. Лебедева в защиту Сов[етской] власти не встретило явной поддержки со стороны других, собрание разошлось, стремясь скрыть свое политическое лицо под маской защитной лояльности. Большинство того времени отстаивало точку зрения, что задача Всероглавштаба – создание большой армии, предназначенной для внешней войны, и что участие в гражданской войне является для него тем менее приемлемым, что создан для этого параллельный орган оперод Наркомвоен.

В конце 1918 года я был уволен от этой должности (по моей просьбе, так как политически не мог справиться со своей задачей) и перешел на формирование Воен[ной] академии.

Когда [Л.Д.] Троцкий предложил мне назначить лучшего офицера для командования Восточным фронтом, я провел назначение С.С. Каменева. Последний, ценя свое место на Западном фронте¹⁷ в Смоленске, счел свое назначение на фронт гражданской войны актом личной мести с моей стороны и жаловался Троцкому и [Э.М.] Склянскому. На этой почве сложились между мной и Каменевым враждебные отношения, продолжавшиеся 4–5 лет, а позднее они урегулировались, и С.С. Каменев относился ко мне весьма дружелюбно.

Первые годы В[оенная] академия представляла сборище случайно набранных преподавателей, весьма разношерстных по своим взглядам, но в большинстве своем это были люди, интересы и настроения которых не совпадали с революцией. В начале 1920 года был назначен начальником В[оенной] академии Андрей Евгеньевич Снесарев. Первое впечатление о нем было как о более левом по отношению остальной массы преподавателей, а позднее под влиянием служебных понижений и его религиозности он оказался значительно правей.

При встречах в частной обстановке мероприятия Сов[етской] власти довольно часто подвергались ироническому обсуждению. Мнения большинства из нас сводились к тому, что Сов[етская] власть окажется подверженной перерождению перед властными требованиями экономики и новую экономическую политику встретили и поняли как отступление, которое приведет к ослаблению классовой борьбы и перерождению партии. Большинство стало на “сменовеховскую” точку зрения. Тем не менее, окончательного разрыва с прошлым у большинства не было. Это создавало почву для таких враждебных сов[етской] власти вечеров, какие устраивались несколько раз до 1927 года в георгиевский орденский праздник. Мне пришлось быть на двух-трех таких вечерах в доме А.Е. Снесарева. На этих собраниях бывали: [В.Г.] Сухов, [Д.Н.] Надежный, [А.А.] Брусилов, [А.В.] Новиков, [Е.М.] Голубинцев и др., фамилии которых сейчас не помню. На этих собраниях присутствовавшие одевали георг[иевские] кресты. Припоминаю на одном таком собрании выступление Брусилова, которое сводилось к указанию на важность единения быв[ших] офицеров георгиевских кавалеров и которое по существу своему было, конечно, контррево-

люционно. У участников этих собраний оставалось впечатление известного блуда против Советской власти»¹⁸. Показания Свечина представляются достаточно объективными. Документ был набран на машинке в восьми экземплярах, в дело попал экземпляр следователя Гирина.

В тот же день Свечин дал краткое дополнительное показание Гирину: «На моем примере можно убедиться, что недостаточно порвать идейно с прошлым, что у человека остается еще много корней, привычек, выражений, которые его с этим прошлым связывают. От меня ни в коем случае нельзя было требовать бдительности, которую проявит гораздо менее политически подготовленный рабочий. Вращаясь в кругу, в котором до 1927 года преобладали люди старых взглядов, я привык пропускать мимо своего сознания ряд замечаний, утверждений, которые должны были бы быть истолкованы, как контрреволюционная пропаганда. Внимание мое почти всегда было отвлечено на острые теоретические вопросы военного искусства; я был враг больших разговоров и имел слабость во избежание пререканий отделяться междометиями или даже поддакиванием.

С 1927 года такая тактика начала меня утомлять, и я начал более определенно сторониться тех лиц, в разговорах которых всегда звучали экивоки в сторону Советской власти (Снесарев); хотя все же не порывал с ними и изредка продолжал с ними видеться.

Крупные политические вопросы, волновавшие весь СССР за период последних 7–8 лет, преломлялись в моем сознании исключительно под углом тех отражений: на подготовке страны к обороне и боеспособности Кр[асной] армии, которые связывались с ними. Эти обстоятельства объясняют, почему у меня не было тех же острых политических переживаний, которые волновали моих товарищей.

В виду усталости показания прошу прервать до следующего дня»¹⁹. Это показание также было отпечатано в 8 экземплярах.

Что можно сказать о тактике арестованного? Свечин «топил» своего друга А.Е. Снесарева, называя того контрреволюционером. По всей видимости, делал он это вынужденно. Чтобы отвести от себя обвинения, заявлял, что сторонился разговоров, предпочитая работу на пользу РККА.

Примечания

¹ Думби Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина. Дисс... к.и.н. – М., 2002. *Dumbi Ju.F. Voennaja i nauchnaja dejatel'nost' Aleksandra Andreevicha Svechina* [Alexander Andreevich Svechin's military and scientific activity]. Diss. k.i.n. M., 2002; *Кокосин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. – М., 2013. *Kokoshin A.A. Vydajushhijisja otechestvennyj voennyj teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin. O ego zhizni, idejah, trudah i nasledii dlja nastojashhego i budushhego* [Outstanding domestic military theorist and military leader Alexander Andreevich Svechin. About his life, ideas, works and heritage for the present and the future]. M., 2013; *Постижение военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина.* – М., 2000. *Postizhenie voennogo iskusstva. Idejnoe nasledie A. Svechina* [Comprehension of military art. A. Svechin's ideological heritage]. M., 2000; *Свечин А.А.* Предрассудки и боевая действительность. – М., 2003. *Svechin A.A. Predrassudki i boevaja dejstvitel'nost'* [Prejudices and fighting reality]. M., 2003.

² *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. – М., 2000. – С. 40, 49–51. *Tinchenko Ja.Ju. Golgofa russkogo oficerstva v SSSR: 1930–1931 gody* [Golgofa of the Russian officers in the USSR: 1930–1931]. M., 2000. P. 40, 49–51; *Кавтарадзе А.Г.* Выдающийся офицер Генерального штаба. Вехи биографии А. Свечина // *Постижение военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина.* – М., 2000. – С. 648–649. К сожалению, в работе Кавтарадзе допущена неточность. Материалы следственного дела А.А. Свечина 1931–1932 гг. хранятся не в Центральном архиве ФСБ России в Москве (по шифру, приведенному Кавтарадзе, – Д. 55672. Т. 87), а в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины в Киеве (ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87)). Первоначально дело «Весна» имело номер 554672, который с пропуском одной цифры и привел Кавтарадзе. Не имеется в этом деле и опубликованного Кавтарадзе письма вдовы Свечина И.В. Свечиной Н.С. Хрущеву (Постижение военного искусства. С. 682–683), которое относится ко второму аресту Свечина, а не к материалам дела «Весна». *Kavtaradze A.G. Vydajushhijisja oficer General'nogo shtaba. Vехи biografii A. Svechina. Postizhenie voennogo iskusstva. Idejnoe nasledie A. Svechina* [Outstanding general-staff officer. Milestones of the biography of A. Svechin. Comprehension of military art. A. Svechin's ideological heritage. M., 2000]. M., 2000. P. 648–649. [Unfortunately, in Kavtaradze's work inaccuracy is allowed. Materials of investigative file of A.A. Svechin of 1931–1932 are stored not in the Central archives of FSS of Russia in Moscow (according to the press-mark provided by Kavtaradze, – 55672. Vol. 87), but in the Departmental archive of Security service of Ukraine in Kiev (GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87)). Originally "The Spring" files had a number 554672 which passing through one figure was mentioned by Kavtaradze. There is also no letter of Svechin's widow I.V. Svechina to N.S. Khrushchev published by Kavtaradze in that files (Comprehension of military art. P. 682–683). It touches Svechin's second arrest, instead of "The Spring"].

³ *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998. С. 48. *Suvenirov O.F. Tragedija RKKA 1937–1938* [RKKA 1937–1938 tragedy]. M., 1998. P. 48.

⁴ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. – М., 2003. – С. 723. *Reabilitacija: kak jeto bylo. Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy. Vol. 2. Fevral' 1956 – nachalo 80-h godov* [Rehabilitation: as it was. Documents of Presidium of the Central Committee of CPSU and other materials. Vol. 2. February 1956 – the beginning of the 80th]. M., 2003. P. 723.

⁵ Там же. С. 728. *Ibid.* P. 728.

⁶ Подробнее см.: *Никифоров Н.И.* Свечин – Тухачевский: к истории противостояния // *Новый Часовой (Санкт-Петербург).* – 2000. – № 10. – С. 110–122. In detail see: *Nikiforov N.I. Svechin – Tuhachevskij: k istorii protivostojanija. Novyj Chasovoj (Sankt-Peterburg)* [Svechin – Tukhachevsky: to opposition history. New Hour (St. Petersburg)]. 2000. № 10. P. 110–122.

⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 1. *GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87).* P. 1.

⁸ Там же. Л. 2–2об. *Ibid.* P. 2–2ob.

⁹ Там же. Л. 72. *Ibid.* P. 72.

¹⁰ Там же. Л. 3, 5. В квитанциях также указаны подушка, тарелка и ложка. Вероятно, их дали арестованному близкие. *Ibid.* P. 3, 5 [In receipts the pillow, a plate and a spoon are also specified. Possibly, relatives gave them to the arrested].

¹¹ Там же. Л. 7. *Ibid.* P. 7.

¹² Там же. Л. 6. *Ibid.* P. 6.

¹³ Письмо и его изображение опубликованы, см.: *Ганин А.В.* Генштабисты в коммуналках. Советская повседневность старой военной элиты // *Родина.* – 2013. – № 8. – С. 152–155. The letter and its image are published by us in: *Ganin A.V. Genshtabisty v kommunalkah. Sovetskaja povsednevnost' staroj voennoj jeliti* [Genshtabisty in communal flats. Soviet daily occurrence of old military elite]. *Rodina.* 2013. № 8. P. 152–155.

¹⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 9. *GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87).* P. 9.

¹⁵ Там же. Л. 8. Подробнее о деле «Национального центра» см.: *Всероссийский Национальный Центр.* – М., 2001; *Красная книга ВЧК.* – М., 1989. Т. 2; *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. – М., 2013. – С. 644–694. *Ibid.* P. 8. In detail about the case of "The national center" see: *Vserossijskij Nacional'nyj Centr* [All-Russian National Center]. M., 2001; *Krasnaja kniga VChK* [The Red book of VChK]. M., 1989. Vol. 2; *Ganin A.V. "Mozg armii" v period "Russkoj Smuty". Stat'i i dokumenty* ["Army brain" in "the Russian Turmoil"]. Articles and documents]. M., 2013. P. 644–694.

¹⁶ Так в документе. *Sic.*

¹⁷ Западного фронта тогда еще не было. Каменев занимал пост помощника военного руководителя Западной завесы и военрука Смоленского района. The [Western front didn't exist then yet. Kamenev held a position of the assistant to the military head of the Western Screen and the military instructor of the Smolensk area].

¹⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 13–17 (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 10–12). Частично с рядом пропусков и неточностей опубликовано: *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 49–51. *GASBU. F. 6. C. 67093-FP. Vol. 66 (87).* P. 13–17 (manuscript). Typescript (*Ibid.* P. 10–12). Partially with a number of admissions and inaccuracies it is published in: *Tinchenko Ja.Ju. Golgofa.* P. 49–51.

¹⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 19–20 (рукопись). Машинописный вариант (Там же. Л. 18). *GASBU*. Ф. 6. С. 67093-ФР. Vol. 66 (87). P. 19–20 (manuscript). Typescript (Ibid. P. 18).

Список литературы

1. Думби Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина. Дисс... к.и.н. – М., 2002. – 383 с.
2. Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. – М., 2013. – 408 с.
3. Постижение военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина. – М., 2000. – 688 с.
4. Свечин А.А. Предрассудки и боевая действительность. – М., 2003. – 368 с.
5. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. – М., 2000. – 496 с.

References

1. Dumbi Ju.F. *Voennaja i nauchnaja dejatel'nost' Aleksandra Andreevicha Svechina* [Alexander Andreevich Svechin's military and scientific activity]. Diss. k.i.n. M., 2002. 383 p.
2. Kokoshin A.A. *Yvdajushhijsja otechestvennyj voennyj teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin. O ego zhizni, idejah, trudah i nasledii dlja nastojashhego i budushhego* [Outstanding domestic military theorist and military leader Alexander Andreevich Svechin. About his life, ideas, works and heritage for the present and the future]. M., 2013. 408 p.
3. *Postizhenie voennogo iskusstva. Idejnoe nasledie A. Svechina* [Comprehension of military art. A. Svechin's ideological heritage]. M., 2000. 688 p.
4. Svechin A.A. *Predrassudki i boevaja dejstvitel'nost'* [Prejudices and fighting reality]. M., 2003. 368 p.
5. Tinchenco Ja.Ju. *Golgofa russkogo oficerstva v SSSR: 1930–1931 gody* [Golgofa of the Russian officers in the USSR: 1930–1931]. M., 2000. 496 p.

Продолжение следует

Сведения об авторах

Ганин Андрей Владиславович, кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, г. Москва, Российская Федерация, andrey_ganin@mail.ru

About author

Ganin Andrey Vladislavovich, Ph.D. in history, editor of military history department, Russian history magazine “Rodina”; senior research fellow, Russian Academy of Science, Institute of Slav studies, Moscow, Russian Federation, andrey_ganin@mail.ru